

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА РАЗВИТІЕ ПРЕПОДАВАНІЯ ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ
ВЪ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ И ДРУГИХЪ УЧЕБ-
НЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ (*).

День открытія Факультета Восточныхъ языковъ,
безъ сомнѣнія, займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ
лѣтописяхъ нашего Университета; это новое учрежденіе,
какъ по высокой цѣли своей, такъ и по важности послѣд-

(*) Рѣчь, произнесенная въ С. Петербургскомъ Университетѣ по случаю
открытія Факультета Восточныхъ языковъ.

ствій, останется навсегда достопамятной эпохой нашего заведенія. Здѣсь мы видимъ незабвенный знакъ милостей, дарованный намъ Державною рукою въ Божѣ почившаго Государя Императора Николая I-го — Благотворителя Россіи и новый залогъ неусыпной попечительности нашего Министерства.

Настоящее торжество доставляетъ мнѣ, какъ одному изъ членовъ этого Факультета, пріятный случай обратить ваше вниманіе на развитіе преподаванія Восточныхъ языковъ въ Русскихъ Университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Благодѣтельное наше Правительство, подѣ сѣнію котораго здрежде водворено и нынѣ распространяется просвѣщеніе въ любезномъ нашемъ Отецествѣ, давно уже сознало всю пользу отъ знанія Азіатскихъ языковъ и необходимость ихъ примѣненія въ дипломатическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними Восточными Государствами и разнородными племенами, обитающими внутри обширной Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только бросить взглядъ на необъятную границу нашего Отечества, чтобы вполне убѣдиться въ чрезвычайной важности ближайшаго знакомства нашего съ Востокомъ. Съ одной стороны, Турція, Персія и Бухарія, а съ другой — Монголія и Китай доставляютъ разнообразныя предметы для удовлетворенія нашей любознательности, государственныхъ и промышленныхъ нашихъ интересовъ. Въ видахъ этой необходимой потребности, начали учреждаться въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ кафедры Восточныхъ языковъ, пре-

подаваніе которыхъ впервые появилось въ Казанской Гимназіи а тамошнемъ Университетѣ. Казань, какъ пунктъ ближайшій къ границамъ Азіи и какъ выѣстилище многочисленнаго Музудманскаго народонаселенія, казалось, представляла всѣ удобства, всѣ выгоды къ развитію Восточнаго Языкованія. Съ открытіемъ курсовъ языковъ Арабскаго, Персидскаго и Татарскаго надѣялись привлечь въ аудиторію этихъ заведеній многихъ слушателей изъ мѣстныхъ Татаръ, изъ инородцевъ Оренбургскаго края, Астраханской и Сибирскихъ Губерцій, и тѣмъ самымъ распространить между ними Европейское образованіе; но къ сожалѣнію, надежды эти не оправдались воиной благодѣтельными поощреніями. Потомъ возникли кatedры языковъ Арабскаго и Персидскаго въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, Университетахъ Московскомъ, Харьковскомъ, С. Петербургскомъ и Рижскомъ Лицѣ; я не говорю здѣсь о недавно открытомъ специальномъ заведеніи для изученія Восточныхъ языковъ — Лазаревскомъ Институтѣ въ Москвѣ, и объ Институтѣ Восточныхъ языковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; она основаны на другихъ началахъ, дѣйствуютъ по своимъ устремленіямъ, стремятся къ своимъ особеннымъ цѣлямъ.

Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ мужей нашего времени, бывший Министръ Народнаго Просвѣщенія Графъ Сергій Семёновичъ Уваровъ, перамай опѣнналъ всю важность изученія Азіатскихъ языковъ въ нашемъ Отеествѣ; онъ имѣлъ свѣтлый взглядъ на умственныя сопринципа Востока и глубоко постигалъ значеніе ихъ въ нравственномъ мірѣ; его задумчивая мысль была блж-

же ознакомить Россію съ Азіей, которая, по его словамъ, есть «первая колыбель, первое поприще лучшаго бытія рода человѣческаго». Когда открывались въ 1818 году въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ кафедры языковъ Арабскаго и Персидскаго, Графъ Сергій Семеновичъ не могъ остаться равнодушнымъ къ исполненію пламеннаго его желанія, завѣтной его мечты: онъ, въ должности Президента Академіи Наукъ и Попечителя С. Петѣбургскаго Учебнаго Округа, вполне выказалъ свое сочувствіе къ этому торжеству краснорѣчивымъ словомъ о важности открываемаго курса Восточныхъ языковъ. Здѣсь онъ яркими красками нарисовалъ очаровательную картину Восточнаго міра съ его Исторіей, Литературой и религіей; онъ не только осязательно доказалъ пользу наученія языковъ Западной Азіи, но и представилъ важное значеніе языковъ Еврейскаго, Китайскаго, Монгольскаго, Маньчжурскаго и Японскаго — для полнаго знакомства съ умственными богатствами Востока.

Осуществить часть высокихъ его предназначеній выпало на долю другому усердному поборнику Восточнаго Языковѣдѣнія — бывшему Попечителю Казахскаго Учебнаго Округа М. Н. Мусину-Пушкину. Огромная семья Монгольскаго народонаселенія, кочующая въ предѣлахъ Восточной Сибири и на Сѣверѣ Китая, обратила на себя его вниманіе; ближайшее знакомство съ домашнимъ бытомъ этого народа, съ его нравами, обычаями, религіей и наконецъ съ любопытной, хотя и цѣрвной его Литературой, въ которой хранятся богатые источники для изученія Индіи и народовъ Средней Азіи, считалъ онъ весьма

важнымъ какъ для Науки, такъ и для государственнаго управленія. Онъ желалъ основать при Казанскомъ Университетѣ отдѣльную кафедру языка Монгольскаго: но какъ не льзя было найти тогда достойнаго Профессора, то онъ и предположилъ въ 1827 году отправить въ Сибирь двухъ молодыхъ людей, знакомыхъ уже съ языками Арабскимъ, Персидскимъ и Татарскимъ, для изученія языка Монгольскаго. Планъ его, одобренный Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Высочайше утвержденъ былъ въ 1828 году. Съ возвращеніемъ этихъ молодыхъ людей въ 1833 году изъ путешествія по Монголіи, Императорская Академія Наукъ подвергла ихъ строгому испытанію и, удостовѣрившись въ приобрѣтенныхъ ими свѣдѣніяхъ въ Монгольскомъ языкѣ, представила объ нихъ лестный отзывъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія; въ слѣдъ за тѣмъ они назначены Адъюнктами Монгольской Словесности въ Казанскомъ Университетѣ. Такимъ образомъ учреждена кафедра Монгольскаго языка — первая въ Европѣ.

Въ 1833 году Государю Императору благоугодно было вѣрить управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Графу Сергію Семеловичу Уварову. Съ этимъ важнымъ событіемъ Восточное Языковѣдѣніе получило новую жизнь, приняло новое направленіе. Такъ въ Казанскомъ Университетѣ въ 1833 году учреждена кафедра Турецко-Татарскаго языка, и поручена была ученому нашему Профессору Мирѣ Казембеку, въ аудиториіи котораго образовалось цѣлое поколѣніе болѣе или менѣе знавшихъ Оріенталистовъ; въ 1837 году от-

крыта была кафедра Китайскаго языка, на Профессора которой возложено и преподаваніе Маньчжурскаго; въ 1842 году основаны кафедры языковъ Армянскаго и Санскритскаго, а для кафедры Тибетскаго языка, которую предложено открыть, отправленъ былъ въ Пекинъ въ 1840 году Магистръ Монгольской Словесности Васильевъ съ тѣмъ, чтобы основательно изучить языки Китайскій, Маньчжурскій, Санскритскій и въ особенности Тибетскій. По возвращеніи Г. Васильева изъ Пекина въ 1850 году, произошла въ опредѣленіи его перемена. Со смертію исправлявшаго должность Профессора Китайскаго языка Войничовскаго, кафедра эта должна была остаться праздною: потому что къ замѣщенію ея университетское Начальство не имѣло въ виду достойнаго Ученаго; кромѣ того учрежденіе новой кафедры языка Тибетскаго требовало, по прошествіи 10 лѣтъ, новыхъ условій, не входившихъ въ первоначальное предположеніе. Все это вынѣтъ побудило Университетъ назначить тогда Г. Васильева исправляющимъ должность Экстраординарнаго Профессора Китайской и Маньчжурской Словесности. Изъ всѣхъ этихъ кафедръ составленъ былъ особый разрядъ Восточной Словесности при Филологическомъ Факультетѣ. Такимъ образомъ Казанскій Университетъ соединилъ въ себѣ всѣ пособія, всѣ средства къ возможно-полному изученію Востока. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти учрежденія, не всегда достигали предположенной цѣли, во исполнѣ приносили ту пользу, которой отъ нихъ ожидали. Причина таковыхъ несовѣтъ благоприятныхъ результатовъ заключалась единственно въ недостаткѣ учащихся. При открытіи въ Казанскомъ Университетѣ кафедры Арабскаго и Персидскаго

языковъ, которую въ 1807 году открылъ знаменитый Ориенталистъ Христианъ Мартынъ Френъ, началъ собираться много слушателей; но эти слушатели были пристрастны болѣе новизной предмета, нежели важностію его, болѣе простымъ любопытствомъ, нежели истинною любознательностію. Съ перемѣщеніемъ Френа въ С. Петербургскую Императорскую Академію Наукъ, каведра Арабскаго и Персидскаго языковъ замѣщена была въ 1818 году Дѣятелемъ Эрмманомъ, изъ Ростова. Дѣятельный Профессоръ рѣшился тогда открыть курсы Арабскаго и Персидскаго языковъ въ Казанской Гимназіи съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи приготовить слушателей для университетскихъ лекцій; мѣра эта имѣла успѣхъ. Въ 1823 году явились два Студента, съ любовію предавшіеся изученію Восточныхъ языковъ, но, по окончаніи курса, вступившіе на другое поприще. Съ этой поры Профессоры Восточныхъ языковъ начали видѣть въ своихъ аудиторіяхъ постоянныхъ уже слушателей. Тогда не только до всѣхъ отдѣлахъ Восточныхъ языковъ, но и въ каждомъ курсѣ были свои слушатели. Въ ту пору Восточное Языковѣдѣніе не оставалось безъ приложенія, голосъ Профессора не напрасно раздавался въ аудиторіяхъ. Многіе изъ Студентовъ-Ориенталистовъ вынесли прекрасные плоды своего образованія и возложили ихъ на алтарь служенія Отечеству; одни изъ нихъ до сего времени съ честию замѣняютъ разныя должности по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, другіе состоятъ при начальникахъ пограничныхъ Губерній, иные приняли на себя обязанности учителей Азіатскихъ языковъ, нѣкоторые вовведены въ званія Профессоровъ; каждый изъ нихъ остался вѣренъ своему при-

занію, продолжаетъ трудиться на избранномъ имъ поприщѣ и вкладываетъ, по мѣрѣ силъ и средствъ, лепту свою въ сокровищницу Науки.

Вскорѣ Правительство нашло, что многіе изъ слушателей Отдѣленія Восточныхъ языковъ, по окончаніи курса, долгое время оставались безъ всякаго назначенія, по вѣнѣнью мѣсть, которыя отвѣчали бы полученному ими образованію, и наконецъ вынуждаемы были крайностію своего положенія избирать для себя другой родъ службы; это обстоятельство, вовсе независѣвшее отъ университетскаго Начальства, неблагопріятно дѣйствовало на прочихъ молодыхъ людей, вступавшихъ въ число Студентовъ Университета; каждый изъ нихъ болѣе подвергнутъ той же участи, какаю постигала въ разное время Студентовъ, кончившихъ курсъ по Восточной Словесности. И въ самомъ дѣлѣ, опасенія были справедливы, но за всѣмъ тѣмъ неотвратимы; помочь этому не было во власти одного учебнаго Начальства; тутъ нужда указывала на содѣйствіе другихъ вѣдомствъ.

Если Казанскій Университетъ, при всѣхъ своихъ богатыхъ пособіяхъ, при всемъ разнообразіи Восточныхъ предметовъ, при самой выгодной мѣстности, встрѣтилъ такое препятствіе въ развитіи преподаванія Восточныхъ языковъ, то не удивительно, что Университеты Московскій и Харьковскій, гдѣ Восточное Языковѣдѣніе не имѣло спеціальнаго назначенія, а служило только пособіемъ для Сравнительной Филологіи, въ слѣдствіе тѣхъ же причинъ, давно закрыли Восточныя свои кафедры. Ришельевскій

Лицеѣ, въ которомъ преподаваніе Восточныхъ языковъ могло бы сопровождаться болѣе значительнымъ развитіемъ въ сравненіи съ другими учебными заведеніями, раздѣляя одинокую часть съ Казанскимъ Университетомъ; одинъ только С. Петербургскій Университетъ остался внѣ этихъ условій; въ немъ не было недостатка въ учащихся Восточнымъ языкамъ; его аудиторіи постоянно посѣщались ревностными слушателями. Такое состояніе Восточныхъ кафедръ въ большей части учебныхъ заведеній невольно обратило на себя вниманіе Правительства. Оно желало эту обширную отрасль знаній утвердить на прочныхъ началахъ, придать ея развитію широкіе и вмѣстѣ съ тѣмъ стройные размѣры, и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, убѣдилось, что только съ уничтоженіемъ Восточныхъ кафедръ въ Университетахъ Казанскомъ, Московскомъ и Харьковскомъ и Ришельевскомъ Лицеѣ и съ сосредоточеніемъ преподаванія Восточныхъ языковъ въ Университетѣ С. Петербургскомъ, можно ожидать вполне удовлетворительныхъ результатовъ; тогда соединятся разрозненные силы учащихся, умножится число учащихся и увеличатся учебныя пособія.

Дѣйствительно, нѣтъ въ Россіи мѣста благопріятнѣе для успѣшнаго развитія Восточныхъ языковъ, какъ Петербургъ; онъ есть центръ умственной и административной дѣятельности, куда стекаются равнородные члены всѣхъ сословій, всѣхъ обществъ; здѣсь каждый находитъ пищу своимъ интересамъ; одинъ удовлетворяетъ свою любознательность, другой — честолюбіе, иной — простое любопытство; въ особенности собирается здѣсь много мо-

людей, желающих посвятить себя государственной службѣ; они, въ какомъ бы мѣстѣ ни получили свое образование, непремѣнно стремятся сюда, чтобы здѣсь начать служебное свое поприще. Это обстоятельство можно объяснить причину, въ которой въ здѣшнемъ Университетѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга учашился болѣе, нежели въ провинціальныхъ.

Къ числу Восточныхъ языковъ, донынѣ существовавшихъ въ нашихъ Университетахъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія считало весьма полезнымъ присоединить и еврейскій языкъ Еврейскаго, какъ необходимаго звѣна въ цѣпи Восточнаго Языковѣдѣнія; безъ знанія языка Еврейскаго и его Литературы изученіе Азии было бы не полно, не докончено; оныя служатъ существеннымъ пособіемъ къ основательному познанію языковъ Арабскаго, Армянскаго и древне-Персидскаго и имѣть неоспоримую важность для всякаго Филолога, по своей глубокой древности и доказанной близости къ языку первобытному. Въ эти предположенія удостоены были Высочайшаго утвержденія въ 22 день Октября 1854 года.

Такимъ образомъ возникъ въ нашемъ Университетѣ особый Факультетъ Восточныхъ языковъ — учрежденіе новое, единственное, обязанное своимъ бытіемъ животворной мысли Правительства — и въ особенности дѣятельному представительству у Престола нынѣшняго Министра Народнаго Просвѣщенія. Теперь мы имѣемъ всѣ пособия, всѣ средства къ изученію Востока во всей его обширности. Пламенная Поэзія Арабовъ, роскошная Литература Пер-

сін и Турціи, умозрительное ученіе Буддистовъ, священ-
ный языкъ Евреевъ и гіероглифы Китая имѣють своихъ
истолкователей, своихъ усердныхъ проповѣдниковъ.

Остается только нашему Университету, осыпанному
Монаршими щедротами, выполнить новую цѣль, пред-
назначенную ему благодѣтельнымъ Правительствомъ и
неуклонно слѣдовать по пути, который указываетъ ему
Царь, Наука и Россія.

Ордин. Проф. С. Петербургскаго Унив.
1888гъ.

